

ПО СЦЕНАРИЯМ Л. АНДРЕЕВА

Исполняется 110 лет со дня рождения выдающегося русского писателя Леонида Николаевича Андреева. «Своеобразный и замечательный художник», по меткому определению А. М. Горького, он оставил нам немало ярких, запоминающихся произведений.

Его лучшие повести и рассказы вообрали в себя предчувствия и надежды людей предреволюционной эпохи, неумолимо приближавшейся к грозным событиям 1905 года. Мечта Л. Андреева о том, чтобы «старый дом России» развалился дотла и на его месте было построено новое здание, «просторное и светлое», оказалась пророческой.

Менее известна работа Л. Андреева — сценариста. Его попытки перевести свои произведения на язык экрана, размышления о будущем и настоящем русского кино небезынтересны и сегодня. Тем более, что они непосредственно связаны с первыми шагами кинематографа в нашем городе. «Снятельный, грустный кинемо» — так называл когда-то кинематограф Леонид Андреев.

К моменту своего прихода в кинематограф писатель был уже знаменит. Позади остались детство и юность в Орле в семье скромного землемера-таксатора, нищее студенчество, трудные репортерские годы. Один за другим появлялись его рассказы, театры нарахват просят новые пьесы. Особенно близка Андрееву тех лет атмосфера Художественного театра.

Мир театра вплотную подводит писателя к размышлениям о кино. Пока это еще не «сиятельный кинемо», а тот, который можно увидеть на каждом углу, «эстетический апаш и хулиган». Однако будущность его огромна. Отдавая театру слово, психологизм, все «чеховское», кино, по мысли Андреева, должно стать «языком мирового общения, орудием сближения людей и народов, новым фундаментом для истории и науки, огромным зеркалом — памятью...» Его неудержимо манит «мелкое пятно экрана», все сильнее влечет пленительная общедоступность нового зрелища. Толчком к работе послужила беседа с Л. Толстым, который (согласно записи А. Гольденвейзера от 21 апреля 1910 г.) посоветовал Андрееву «написать хорошую пьесу для кинематографа».

Писатель с горячностью взялся за это дело. С 1910 по 1916 год выходит ряд фильмов по его сценариям — «В студенческие годы», «Анфиса»,

«Король, закон и свобода», «История одной девушки», «Екатерина Ивановна», «Мысль». Большой успех выпал на долю экранизации «Анфисы». Своей пьесой Андреев протестовал против подавления личности, мешанства. Она с успехом шла в театре Незлобина, где в главной роли выступала выдающаяся актриса Е. Рощина-Инсарова. И вот возникло решение — перенести пьесу на экран. Тандем Андреев — Протазанов оказался на редкость удачным: психологизм сюжета совпал с интересным пластическим решением, романтической окраске фильма способствовали игра деталей, монтажные переходы. Для русского кино 1912 года это было большим достижением. Интересно отметить, что партнером Рощиной-Инсаровой в этом фильме был будущий «король экрана» В. Максимов.

С подъемом и радостью встретив революцию 1905 года, Андреев тяжело переживал ее поражение, временный спад. С этого момента он почти безвыездно живет на Черной речке, пытается за стенами своей дачи-защита отгородиться от бурь и тревог века. Андреев по-прежнему много пишет, однако все меньше о России. «Как легко описывать чужую возлюбленную и как невозможно свою!» — замечает он в те дни в дневнике. На события первой мировой войны писатель откликнулся пьесой «Король, закон и свобода». Вскоре он переделал ее в киносценарий, и П. Чардынин взялся за постановку фильма. На экраны России картина вышла в октябре 1914 года. Фильм сохранился в Госфильмофонде СССР. Сегодня, когда смотришь эту ленту, довольно наивными кажутся прусские солдаты, марширующие в тесных павильонах ателье. И хотя речь шла о борьбе бельгийского народа, в картине отчетливо чувствовались антинемецкие настроения. Слова писателя Грелье «Я вижу новую жизнь» были во многом созвучны размышлениям Андреева. Однако вспыхнувшая с новой силой любовь к России «делала его близоруким, его предвидения делались все более и более далекими от реальной жизни». Так писал о своем отце тех лет сын писателя Вадим Андреев. Индивидуалистическими настроениями была окрашена и «Мысль».

Снятая фильмом, В. Гардин применил крупные планы, монтаж, желая чисто кинематографическими средствами передать сложный душевный мир Керженцева, главного героя повести. Во многом это удалось в результате великолепной игры Григория Хмары.

И уж совсем необычной оказалась судьба одного из лучших произведений Андреева — «Рассказа о семи повешенных». Яростный протест против политики царизма, преследования борцов за свободу нашел свое отражение на экране уже в советское время. Съемки начались вскоре после освобождения Одессы на бывшей кинофабрике Харитонова. Актёр Н. Салтыков, взявшийся за постановку фильма, после нескольких сцен в павильоне приступил к самой главной сцене — повешения. Вот как запомнился этот эпизод оператору фильма Луи Форестье.

...Над обрывом моря было сооружено семь виселиц. Три статиста уже «висели». В результате хитроумного приспособления они были подвешены за пояс, но выглядело это вполне правдоподобно. И вот, когда помреж уже собирался «вешать» четвертого, вдруг... раздался оглушительный пушечный выстрел. Оказалось, что с борта французского крейсера, еще стоявшего на рейде, в бинокль заметили «казнь» и тут же решили предотвратить «расправу». Палили нещадно. И хотя ни один снаряд не упал вблизи места съемки, все ее участники разбежались кто куда. Несчастные «повешенные» сами освободиться не могли и во все горло звали о помощи. Прошло немало времени, пока кто-то из рабочих группы подполз к ним и обрезал веревки.

На этом эпизоде Салтыков и закончил работу над картиной. Доснятая и смонтированная Чардыниным, она вышла на экраны лишь в 1924 году.

В наши дни произведения Андреева обрели «второе дыхание». Некогда гримевшая на сцене «Анатэма», утверждавшая торжество зла над добром, сегодня забыта, а пьеса «Дни нашей жизни», которую сам автор считал слабой, с успехом идет на многих сценах страны. Ощущение провала и безысходности уходит прочь, на первый план выступают доброта и человечность, все лучшее, что оставил нам Андреев. Его мысли о кино, сближающем «концы земли и края душ», не потеряли своего интереса и сегодня. «И при всем том я очень люблю кинематограф и верю в его будущность, не только огромную, но и колоссальную». С этим утверждением писателя трудно не согласиться.

А. МУРАВЬЕВ,
исторических

кандидат
наук

7 АВГ 1981

Вечерний Ленинград
г. Ленинград